

Рецензия / Review

DOI: 10.31857/S1605788025010111

**История русской переводной художественной литературы
1800–1825 гг.: очерки / Отв. ред. В. Е. Багно, Е. Е. Дмитриева,
М. Ю. Коренева. СПб.: Нестор-История, 2022. 712 с.**

**The History of Russian Translated Fiction of 1800–1825: Essays.
Eds. V. E. Bagno, E. E. Dmitrieva, M. Yu. Koreneva.
St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2022. 712 p. [In Russ.]**

Новая монография, подготовленная Институтом русской литературы (Пушкинским домом) РАН, продолжает одноименное исследование, посвященное древнерусской книжности и литературе XVIII в., вышедшее в двух томах в 1995–1996 гг. В отличие от предыдущего двухтомника, где материал делился на три части: «Проза», «Драматургия», «Поэзия», а внутри них – по периодам истории словесности, здесь основной принцип систематизации другой – по национальным литературам. Рецензируемая книга состоит из введения и шести разделов, посвященных соответственно рецепции французской, немецкой, английской, итальянской, испанской и античной литературы (как греческой, так и римской). Первые три раздела, в свою очередь, включают главы о поэзии, прозе и драме. Последние три раздела структурированы иначе и существенно меньше по объему. Это, разумеется, не случайно: если в описываемое время уже не только французская, но также немецкая и английская литературы в России хорошо известны и выступают во многих отношениях как ориентиры для отечественной словесности, то итальянскую литературу знают меньше, а об испанской, как показано в книге, имеют лишь неполное, поверхностное представление. Что касается античной словесности, то хотя она и сохраняет роль культурного эталона, но ее памятники переводятся все же далеко не столь активно, как произведения трех важнейших новоевропейских литератур. Выбор именно такой композиции применительно к рассматриваемому периоду, несомненно, верен: он позволяет показать, какие образы важнейших зарубежных литератур формируются в культуре русской.

Рецензируемая книга – коллективный труд. Руководитель проекта – В.Е. Багно. Вступление принадлежит Е.Е. Дмитриевой и М.Ю. Кореневой. Разделы о переводах французской поэзии и драмы написаны П.Р. Заборовым, французской прозы – Д.В. Токаревым, немецкой поэзии – Р.Ю. Данилевским и М.Ю. Кореневой, немецкой прозы – М.Ю. Кореневой, немецкой драмы – Е.Е. Дмитриевой, английской поэзии – М.Э. Баскиной (Маликовой), английской прозы – Н.А. Дроздовым, английской драмы – П.Р. Заборовым, итальянской литературы – А.Ю. Миролюбовой, испанской литературы – К.С. Корконосенко, античной литературы – А.В. Волковым.

В издании систематизирован огромный материал. В равной мере ярко освещены как классические для компаративистики сюжеты («русский Гомер», восприятие поэм Оссиана, творчества В. Скотта и Дж. Байрона), так и менее известные, даже практически неразработанные, например, история рецепции в основном забытых сегодня французских, немецких и английских романов, не считавшихся серьезным чтением, но при этом обильно переводившихся и чрезвычайно популярных (настолько, что рядом с творчеством А. Радклиф феноменом русской словесности становится «псевдорадклифиана»).

В основе книги – понимание перевода как диалога, в традициях теории «встречных течений» А.Н. Веселовского, где рецепция зарубежной словесности оказывается обусловленной процессами, идущими в отечественной культуре. По этой причине образы иностранных литератур в сознании русских авторов и читателей не всегда отражают современные тенденции самих этих литератур.

Яркий пример тому — рецепция французской поэзии. Как показывает П.Р. Заборов, для русских литераторов первой четверти XIX века по-прежнему актуально, в первую очередь, «наследие Великого века и века Просвещения» (с. 33) и лишь в меньшей мере — творчество поэтов-современников. Также и французская трагедия — это в то время, как и в XVIII столетии, прежде всего классики: Расин и Вольтер, а английская драматургия — конечно, Шекспир. А Гёте, как демонстрируют Р.Ю. Данилевский и М.Ю. Коренева, для русских читателей первых десятилетий XIX века остается, прежде всего, автором «Вертера»; разрозненные образцы его поэзии переводят, в том числе Жуковский, но по-настоящему поймут и оценят ее позже (с. 192 сл.).

Между тем, во многих случаях литературная мода в России не отстает от зарубежной. Например, по наблюдениям Е.Е. Дмитриевой, драматургия А. Коцебу в России не менее популярна, чем в Германии, и притом вызывает меньше критических замечаний: на родине это, несмотря на успех у зрителей, спорная фигура (с. 304–333). Активно переводится немецкий развлекательный роман, в том числе и вполне современный. Притом, как показывает М.Ю. Коренева, на слог его русских версий накладывает отпечаток модный в начале XIX века сентиментальный стиль, что в дальнейшем усилит эффект неактуальности немецкой прозы и создаст ей неблагоприятную репутацию (с. 290). Воздействие сентиментализма сказывается и в переводах поэзии — и вот в «чувствительных» авторов превращаются Э. Юнг в переводе С.Н. Глинки (с. 401–402) и даже Гомер в версии А.Ф. Мерзлякова («Но сердце Улисса, томясь, в печаль погрузилось; / Герой воздыхал, и ланиты покрылись слезами», с. 644).

Трансформация поэтического текста при переводе затрагивает не только стиль, но и стиховую форму. Например, ставший традиционным еще в XVIII веке alexandрийский стих могут использовать для передачи как античных гекзаметров, так и ренессансных октав, и в обоих случаях это отражается на композиционном решении текста. Как отмечает А.Ю. Миролюбова, октавы изолированы, каждая строфа включает в себе законченную мысль; мерные alexandрины стирают отмеченные ими рубежи. Поэтому, когда Батюшков переводит Тассо alexandрийским стихом, рассказ спрямляется, вариативность точек зрения уступает место непрерывности повествования (с. 574–576).

В целом, ко многим, в том числе лучшим, переводчикам этой эпохи, применимо то, что говорит

М.Э. Баскина (Маликова) о работе Жуковского с текстами Грея и Томсона: «...точность, часто изобретательно достигаемая, не является, однако, доминантой переводческого задания — Жуковскому важнее усвоить, адаптировать переводимый текст в собственных лирических целях» (с. 414).

Пути рецепции нередко сложны: русские версии многих произведений создаются на основе переводов-посредников. Например, как демонстрирует П.Р. Заборов, между трагедиями Шекспира и многими русскими вариациями его сюжетов по-прежнему стоят адаптации Ж.-Ф. Дюсиса (см. с. 143–144 и 548–551). Среди произведений испанской литературы, по данным К.С. Корконосенко, за весь рассматриваемый период с оригинала переведены лишь два (с. 608). В частности, романы Сервантеса (не только «Дон Кихот», но и «Галатея») переводятся на основе сделанных Флорианом обработок, а «Гузман д'Алфараш» Алемана — с версии Лесажа (с. 593–596). Сохраняется практика перевода античной поэзии и прозы через посредство новоевропейских языков (с. 613–621).

Исследование вскрывает социокультурные и поэтологические механизмы рецепции зарубежной словесности и ее функционирования в русском контексте. Во введении Е.Е. Дмитриева и М.Ю. Коренева характеризуют роль чтения и перевода как социальных практик в рассматриваемую эпоху; на западноевропейском, особенно немецком фоне ясно выступает своеобразие русской культуры в этом отношении. Освещаются причины, определяющие выбор объектов для перевода. Так, по словам Н.А. Дроздова, применительно к современному роману более важную роль, чем имя автора, которое часто даже не указывается, «играют узнаваемые топоры и мотивы» (с. 481). А из классических текстов нередко выбираются те, которые созвучны актуальным. В частности, как показывает А.В. Волков, А.Ф. Мерзляков переводит из греческих трагиков фрагменты, напоминающие ему пьесы В.А. Озерова (с. 637–638). Как и в XVIII веке, с образами и литературными репутациями зарубежных предшественников соизмеряются фигуры и оценки отечественных авторов. Например, по наблюдениям А.Ю. Миролюбовой, в спорах о русской эпосе ключевую роль играют имена Ариосто и прежде всего Тассо (с. 570).

Рецензируемая книга, несомненно, предназначена для профессионалов-филологов. Но и читатель-неспециалист может найти в ней ответы на многие вопросы, которые ставит перед ним русская классика. Что имеет в виду Пушкин, представляя семейную жизнь как «роман во вкусе

Лафонтена»? (В первые десятилетия XIX века этот автор, ныне забытый, по крайней мере в России, очень популярен; в рецензируемой книге есть особый параграф о нем, см. с. 263–279.) Почему в гостиной Собакевича висит портрет «героини греческой Бобелины»? (На самом деле — Бубулины, вдовы капитана Бубулиса; ей посвящен роман немецкого писателя К.А. Вульпиуса, вышедший в переводе на русский язык в 1823 г. и тоже в свое время известный, см. с. 229–231.) И что за “*Adèle de Sénange*” Пьер Безухов дает Элен? (Это роман Аделаиды де Суза, в описываемую Толстым эпоху

с интересом читавшийся; впрочем, как отмечает Д.В. Токарев, упоминание этой книги в одном ряду с «Новой Элоизой», а заодно и с романами А. Радклиф, показывает, что сам Пьер в чтении не очень разборчив, с. 85.)

Благодаря масштабу решенной задачи, глубине погружения в материал, точности и яркости изложения рецензируемая монография — образец литературоведческого исследования. Она станет настольной книгой не только для компаративистов, но и для всех филологов, изучающих русскую литературу первой четверти XIX века.

Л.А. Трахтенберг
Доктор филологических наук,
профессор Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1
Lev_A_T@inbox.ru

Lev A. Trakhtenberg
Doct. Sci. (Philol.),
Professor at the M.V. Lomonosov
Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
Lev_A_T@inbox.ru

Для цитирования: Трахтенберг Л.А. (реценз.) История русской переводной художественной литературы 1800–1825 гг.: очерки / Отв. ред. В.Е. Багно, Е.Е. Дмитриева, М.Ю. Коренева. СПб.: Нестор-История, 2022. 712 с. // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2025. Т. 84. № 1. С. 121–123. DOI: 10.31857/S1605788025010111

For citation: Trakhtenberg, L.A. (Rev.) *Istoriya russkoy perevodnoy khudozhestvennoy literatury 1800–1825 gg.: ocherki. Otv. red. V.E. Bagno, E.E. Dmitrieva, M.Yu. Koreneva. SPb.: Nestor-Istoriya, 2022. 712 s.* [The History of Russian Translated Fiction of 1800–1825: Essays. Eds. V.E. Bagno, E.E. Dmitrieva, M.Yu. Koreneva. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2022. 712 p. [In Russ.]]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2025, Vol. 84, No. 1, pp. 121–123. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788025010111

Дата поступления материала в редакцию: 28 января 2024 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 4 марта 2024 г.
Статья принята к публикации: 7 октября 2024 г.
Дата публикации: 28 февраля 2025 г.

Received by Editor on January 28, 2024
Revised on March 4, 2024
Accepted on October 7, 2024
Date of publication: February 28, 2025